

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА СО РАН
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИИ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ УРО РАН

ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

Выпуск 4

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН
2011

ДОБЫЧА БУРОГО МЕДВЕДЯ ДРЕВНИМ НАСЕЛЕНИЕМ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Бурый медведь – самый крупный и широко распространенный хищный зверь в фауне Европы и Сибири. Его внешний вид, сила, образ жизни, поведение, в частности, способность вставать на задние лапы, обусловили особое внимание к нему человека с древнейших времен. С доисторического времени до сегодняшних дней в разных культурно-исторических обществах существует медвежий культ [Крейнович, 1969, с. 6-112; Илимбетова, 2008, с. 107-119]. Материальными свидетельствами особого отношения древнего человека к медведю являются находимые на археологических памятниках комплексы с его костными остатками – кости одной или нескольких особей, погребенные в одном месте [Косинцев, 2000, с. 4-9]. Эта особенность осложняет задачу установления относительной доли медведя в охотничьей добыче древнего населения, поскольку кости прочих животных при раскопках в основном находятся в разрозненном состоянии и, кроме того, костные комплексы не всегда замечаются при раскопках. Приведенные в настоящей работе оригинальные и литературные [Петренко, 1984, 2003] количественные данные собраны за несколько десятилетий в условиях, при которых указанная особенность не учитывалась. Все значения показателей, таким образом, условны и представляют собой «валовую оценку». Показатель 1 (табл. 1) интерпретируется как востребованность медведя как добычи в поселениях, где занимались охотничьим промыслом, показатель 2 – востребованность добычи медведя в поселениях, где в числе промысловых отмечены хищные звери, показатель 3 – удельный вес медведя в добыче, показатель 5 – промысловая интенсивность добычи медведя как представителя группы хищных зверей. При сравнении долей использован ф-критерий Фишера. Все значения долей выделены курсивом, а достоверно различающиеся со значением доли для предыдущей эпохи, отмечены жирным шрифтом.

Порядка 500 находок костных остатков из 73 охотничьих стоянок и поселений от мезолита (стоянка Деуковская II) до позднего средневековья свидетельствуют о промысле бурого медведя населением района исследования в течение последних 10 тыс. лет (табл. 1).

Таблица 1

Структура промысла медведя бурого
населением лесостепи и степи Урало-Поволжья в голоцене

Показатели	Средний голоцен		Поздний голоцен	
	Неолит-энеолит	Бронзовый век	Ранний железный век	Средние века
Поселения лесостепной зоны				
1. Доля пос. с костями медведя среди пос. с промысловой териофауной, %	41,7	33,3	66,7	45,2
2. Доля пос. с костями медведя среди пос. с хищными, %	76,9	58,5	92,3	79,2
3. Доля медведя среди костей хищных, %	67,3	54,1	61,2	57,1
4. Число костей медведя, абс.	74	79	153	104
5. Среднее число костей медведя в пос. с хищными, абс.	6	2	12	4
6. Всего поселений с хищными, абс.	13	41	13	24
Поселения степной зоны				
1. Доля пос. с костями медведя среди пос. с промысловой териофауной, %	33,3	23,1	-	-
2. Доля пос. с костями медведя среди пос. с хищными, %	42,9	37,5	-	-

Показатели	Средний голоцен		Поздний голоцен	
	Неолит-энеолит	Бронзовый век	Ранний железный век	Средние века
3. Доля медведя среди костей хищных, %	77,3	18,2	-	-
4. Число костей медведя, абс.	77	34	-	-
5. Среднее число костей медведя в пос. с хищными, абс.	7	4	-	-
6. Всего поселений с хищными, абс.	7	8	-	-

По меньшей мере, с неолита медведь был нередкой добычей населения За-волжья и Предуралья (показатель 1); из хищных он был самой востребованной добычей (показатели 2, 3). Доля его остатков среди костей хищных зверей в неолите-энеолите достигает 67-77%. В бронзовом веке интенсивность добычи медведя снижается (показатель 5), при этом достоверно уменьшается и уже не меняется до позднего средневековья удельный вес его в добыче хищных видов, как в лесостепи (показатель 3; $\phi = 2,14$; $p < 0,05$), так и в степи (показатель 3; $\phi = 8,85$; $p < 0,01$). В степных поселениях это снижение выражено в большей степени – здесь вес медведя в добыче хищных становится меньше, чем в лесостепи (показатель 3; $\phi = 6,99$; $p < 0,01$).

В раннем железном веке (в основном, поселения Предуралья) роль медведя в промысле лесостепного населения возрастает – относительно он добывается даже достоверно чаще (показатель 1; $\phi = 2,58$; $p < 0,01$; показатель 2; $\phi = 2,63$; $p < 0,01$) и в больших количествах (показатели 4, 5), чем в каменном и бронзовом веках. Снижение всех относительных показателей в средневековье не достоверно.

Анализ показал временные и географические различия в востребованности и интенсивности добычи медведя древним населением Урало-Поволжья при постоянно высоком промысловом интересе к нему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Илимбетова А.Ф. Отражение культа медведя в мифологии и народных традициях башкир // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана: Сб. науч. тр. молодых уч. ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа: Деловая династия, 2008. Вып 3. С. 107-119.
- Косинцев П.А. Человек и медведь в голоцене Северной Азии // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 4-9.
- Крейнович Е. С. Медвежий праздник у кетов // Кетский сборник. Мифология. Этнография. Текст. М., 1969. С. 6-112.
- Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 176 с.
- Петренко А. Г. Исследования остеологических материалов из древнейших археологических памятников Среднего Поволжья и Предуралья методами естественных наук, анализ проблем становления животноводческих основ в крае // Археология и естественные науки Татарстана. Казань, 2003. Кн. 1. С. 5-63.

Д. О. ГИМРАНОВ¹, П. А. КОСИНЦЕВ², Р. М. САТАЕВ¹

¹Башкирский государственный педагогический университет,

²Институт экологии растений и животных УрО РАН
Уфа, Екатеринбург, Россия

ИСТОРИЯ ОХОТЫ НА КУНИЦ В ГОЛОЦЕНЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Настоящая работа ставит своей целью выяснение пространственно-временных особенностей охоты на представителей рода *Martes* на Южном Урале в разные периоды голоцена¹. В его основу лег анализ распространения костных остат-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 11-04-90747-моб_ст и интеграционного проекта УрО РАН № 09-М-457-2001.

ков куниц, происходящих из раскопок археологических памятников. Работа написана на основе литературных и оригинальных данных.

Представители рода куниц *Martes* [Pinel, 1792] – оседлые, одиночно живущие звери, населяющие равнинные и горные леса, иногда безлесные скалистые горы [Аристов, Барышников, 2001, с. 199]. Представители этого рода обитают на территории Южного Урала с позднего неоплейстоцена [Косинцев, Гасилин, 2008, с. 91].

В работе род *Martes* рассматривается в целом, не разделяя на отдельные виды. Ранее было установлено совместное обитание лесной и каменной куниц и соболя на территории Южного Урала в разные периоды голоцена [Гасилин, Гимранов, 2010, с. 67]. Мы считаем, что два последних вида на обсуждаемой территории имели небольшую численность и ограниченное распространение, основная часть костных остатков, происходящих из археологических памятников, принадлежит лесной кунице – *Martes martes*.

На памятниках мезолита остатки куниц не найдены, но по аналогии со Средним Поволжьем (местонахождение Маяк) и Средним Уралом [Косинцев, 2007, с. 108], можно пролагать, что и на Южном Урале куниц промышляли с мезолита. Наиболее ранние свидетельства охоты на куницу представляет материал из неолитических памятников Давлеканово и Муллино (Предуралье), где встречены единичные кости куниц [Петренко, 1994, с. 39-48]. В энеолите куниц добывали на севере региона и в южной горнолесной зоне, на что указывают костные остатки, найденные на поселении Большая Ока и охотничьей стоянке Ташмурун [Косинцев, 2003, с. 148]. В культурных горизонтах (№№ 1-5, 7, 9, 10) местонахождения Грот Археологов обнаружены остатки куниц. Отложения датируются от неолита до поздней бронзы [Данукалова и др., 2002, с. 32-57]. Эти данные говорят о том, что охота на куницу в горной области Южного Урала велась, по крайней мере, с неолита, то есть на протяжении 6-7 тыс. лет.

В бронзовом веке остатки куниц найдены на памятниках расположенных в степной (Таналык), лесостепной (Ахметово-I, Мурадымовское, Старо-Кабановское, Тюбьяк, Ново-Байрамгулово и Юкалекулево) и лесной (Подпорная, Ташмурун), что указывает на постоянный характер их промысла. Материал с поселения Юкаликулево демонстрирует практику охоты на куницу с помощью самоловных орудий давящего типа [Обыденнов и др., 1994, с. 53-54], что свидетельствует о начале систематической промысловой охоты. Раздавленные черепа куниц в слоях бронзового века охотничьих стоянок в гроте Ташмурун (р. Белая) [Косинцев, 2003, с. 148] и в пещере Подпорная (р. Нугуш), свидетельствуют о широком распространении давящих орудий в это время на всей территории лесной зоны рассматриваемого региона.

В материалах из памятников раннего железного века остатки куниц весьма многочисленны. Они найдены на поселениях этого времени – Охлебининское [Петренко, 1984, с. 163], Тра-Тау, Березки-Вв. Особенно многочисленны остатки куниц в материалах из охотничьих стоянок в пещерах и гротах. В гроте Байслан-Таш на реке Белой найдено много остатков куниц [Yakovlev et al., 2006, p. 115-121]. Кости куниц обнаружены на стоянках в пещерах на реке Ай: Старое логово, Сикияз-Тамак-1 [Явшева, 2002, с. 301], Сикияз-Тамак-5 и 10; в пещере Салавата Юлаева на реке Юрюзань [Сатаев, 2005, с. 111]. На черепках куниц из слоя РЖВ стоянки в пещере Подпорная фиксируются характерные повреждения, вызванные использованием давящих орудий [Гимранов, 2009, с. 89].

В средневековье интенсивность промысла куниц не уменьшается. Их остатки найдены на поселениях – Уфа-II (VII – IX в. н.э). [Сатаев и др., 2009, с. 176-177] и охотничьих стоянках (в гроте Атыш-I на р. Лемеза, пещерах Пегова, Калиновская на р. Аша). На стоянке Атыш-I отмечен способ добычи куниц с помощью ловушек типа давилок.

Согласно письменным данным, в XVII в. лесная куница являлась многочисленным видом в Предуральской лесостепи, где ее активно добывало местное на-

селение [Кириков, 1966, с. 297]. Интенсивный промысел куницы велся населением Южного Урала в XIX в. [Граков, 1978, с. 46-54] и продолжается в настоящее время.

Рассмотренные материалы показывают, что на протяжении всей истории активного освоения Южного Урала человеком в голоцене, куницы являлись объектом охоты. Куниц добывали на изучаемой территории не позднее, чем с неолита, а вероятно, с мезолита. Начиная по крайней мере с позднего бронзового века, куниц начинают промысливать орудиями типа давилок. Начало наиболее интенсивного охотничьего промысла куниц (в первую очередь лесной куницы) приходится на первое тысячелетие нового времени, когда мех этих животных начал приобретать статус «мягкого золота» и стал престижным объектом торговли и обмена. Письменные источники фиксируют охоту на куниц с конца XVII в., а активный промысел относят к концу XIX в. Очевидно, что на динамику ареала и численность куниц в голоцене, оказывали влияние, не только природные, но и антропогенные факторы. Вместе с тем, несмотря на многовековой промысловый пресс на куниц на Южном Урале, основной промысливаемый вид – лесная куница по настоящее время сохранила свой ареал и сравнительно высокую численность в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристов А.А., Барышников Г.Ф. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий (хищные и ластоногие). СПб., 2001. 560 с.
- Гасилин В.В., Гимранов Д.О. Видовой состав рода *Martes* на Южном Урале в голоцене // Динамика современных экосистем в голоцене: матер. Второй Рос. науч. конф. Екатеринбург, 2010. С. 65-67.
- Гимранов Д.О. История охоты на лесную куницу на территории Южного Урала // Аграрная Россия, научно-производственный журнал. / М.: Изд-во «ФОЛИУМ», 2009. С. 29-30.
- Гимранов Д.О. Стратиграфия и тафономия охотничьей стоянки эпох Палеометалла и РЖВ в пещере Подпорная (р. Нугуш, Южный Урал) // Матер. XLI Межд. Урало-Поволжской археол. Конф. студентов и молодых ученых. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 87-90.
- Граков Н.Н. 1978. Изменение численности лесной куницы и некоторые закономерности этого процесса / Бюл. МОИП. Отд. Биол. Т. 83. Вып. 3. С. 46-54.
- Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И. и др. Биостратиграфия четвертичных отложений пещер и речных террас широтного течения р. Белой // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища. Уфа: Гилем, 2002. С. 32-57.
- Кириков С.В. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966. 348 с.
- Косинцев П.А. Археологические материалы раскопок Ташмуруновского грота в верховьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. Вып.4. Уфа: Гилем, 2003. С. 148-162.
- Косинцев П.А. Промысловые животные Восточной Европы и Западной Сибири в финальном палеолите – мезолите // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М.: Институт археологии РАН, 2007. С. 86-109.
- Косинцев П.А., Гасилин В.В. Вековая динамика фауны крупных млекопитающих Южного Урала // Вестник Оренбургского государственного университета. № 12. 2008. С. 89-94.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А. Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы: препр. / ИИиА УО РАН, Екатеринбург, 1994. 112 с.
- Петренко А.Г. Первые животноводы Прикамья // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. С. 39-48.
- Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 176 с.
- Сатаев Р.М. Экологическая интерпретация палеофаунистических материалов (на примере голоценовых местонахождений наземных позвоночных Башкирского Южного Урала): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Казань, 2005.
- Сатаев Р.М., Гимранов Д.О., Кульмухаметова Э.Д. Роль охоты в хозяйстве населения средневекового городища Уфа – II / Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях: Сб. научных трудов. Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. С. 176-178.
- Явшева Д.А. Костные остатки крупных млекопитающих из местонахождения Сикияз-Тамак-1. // Матер. конф. Молодых ученых / ИЭРиЖ Уро РАН. Екатеринбург, 2002. С. 300-301.
- Yakovlev A., Danukalova G., Kosintsev P., Alimbekova L. & Morozova (Osipova) E. Biostratigraphy of the Late Palaeolithic site of "Bajslan-Tash cave" (the Southern Urals) // Quaternary International, V. 149, Iss. 1, 2006. P. 115-121.